

На правах рукописи

Кривенко Елена Владимировна

**ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТАХ ФРАНЦУЗСКОГО,
АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЗАГОВОРОВ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (филологические науки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Кемерово – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» на кафедре иностранных языков гуманитарного факультета.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Проскурин Сергей Геннадьевич.

Официальные оппоненты:

Соколова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, отдел теории и практики коммуникации имени Юрия Сергеевича Степанова, старший научный сотрудник;

Гуревич Любовь Степановна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук, профессор.

Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского».

Защита диссертации состоится «6» декабря 2025 г. в 10 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.315.08, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», по адресу: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Кемеровского государственного университета: <https://kemsu.ru/science/dissertation-councils/diss-24-2-315-08/protects/107389/>

Автореферат разослан «__» октября 2025 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Денисова

Эльвира Степановна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Перформативность конституирует восприятие реальности и поэтому представляется важной для изучения. «В начале было слово», - так говорит христианская традиция, где слово является основным принципом и первоначальным действием. В предлагаемой диссертационной работе исследуются слова-деяния, актуализируемые в заговорах. Исследование было проведено на трех уровнях: во-первых, на уровне самих высказываний с использованием инструментов прагматики; во-вторых, на социальном уровне, чтобы определить условия, при которых возможен эффективный дискурс, и, в-третьих, на антропологическом уровне, в контакте с активным словом, там, где с помощью культурологических концептов перформативность реально осуществляется – в магическом акте.

Актуальность настоящего исследования определяется обращением к текстуальным проявлениям перформативности в контекстах заговоров индоевропейской традиции.

Степень разработанности проблемы. Перформативность применительно к текстам представляет большой научный интерес для отечественных и зарубежных ученых, что подтверждается более чем 280 диссертационными исследованиями, затрагивающими употребление перформативных глаголов (Азадова, 2007; Красина, 1999; Славкова, 2014; Сулейманова, 2010 и др.) и проблематику перформативных высказываний (Горбачева, 2016; Кузнецова, 2010; Мосесова, 2020; Никитин, 2017; Романова, 2002, 2010; Россолова, 2008; Телешев, 2004; Четыркина, 2006 и др.). Большое внимание перформативности уделяется в философии (Карабыков, 2014; Карпов, 2009; Каширская, 2004; Тихонова, 2019 и др.), где перформативность исследуется в рамках истории идей.

В этом огромном массиве исследований незатронутыми оказываются заговоры, которые являются перформативными уже по своей природе и могут быть рассмотрены как некоторый общий пласт в различных культурах. В свою очередь заговоры представляют научный интерес, поскольку количество научных работ по теме постоянно растет. Так, современные исследования посвящены рассмотрению следующих вопросов: композиция заговора (Аржанников, 2017; Киселева, 2001; Юдаева, 2016 и др.), сюжеты заговоров (Домников, 2018; Кляус, 2001; Колесова, 2001; Цонкова, 2011 и др.), а также их лингвистические особенности (Авдеенко, 2005; Амроян, 2007; Вельмезова, 1999; Завьялова, 1999; Коновалова, 2007; Коровашко, 2010 и др.). Однако до настоящего времени явлению перформативности в заговоре не было уделено должного внимания. С диахронической точки зрения исследование требует тщательного анализа письменных памятников, сохранившихся до наших дней. Потенциальными источниками для анализа явления перформативности в заговорах являются французские заговоры, собранные в «Гримуарах» (Lecouteux, 2003), англосаксонские заговоры из памятника «Leechdoms» (Cockayne, 1864) и русские заговоры, представленные в сборниках Л. Н. Майкова (Майков, 1869) и А. Л. Топоркова (Топорков, 2010). Заговор является сакральным текстом, поэтому ранее считалось, что изменение текста заговора могло лишить его эффективности

(Вельмезова, 1999). В результате тексты заговоров сохранились практически неизменными и продолжают активно использоваться и сегодня, что позволяет исследовать заговоры как в синхронии, так и в диахронии. Считается, что они оказывают влияние на реальность, но возникает вопрос, являются ли они перформативными с семиотической точки зрения.

Гипотеза исследования заключается в том, что исторически заговоры являются текстами, конституирующими восприятие реальности путем слияния делания и говорения.

Объектом исследования послужило явление перформативности, взятое в операциональном аспекте, то есть, функционирование, в картине мира заговора, объективируемой в трех индоевропейских языках – русском, французском и английском, **предметом исследования** являются речевые средства выражения категории перформативности в текстах заговоров.

Цель данного исследования – выявить и проанализировать языковые и культурологические ресурсы, посредством которых тексты заговоров на французском, английском и русском языках формируют перформативный эффект, способствующий конструированию новой реальности, фактически замещающей объективную действительность. Перформативность проявляется как механизм, позволяющий словам обретать действенную силу, создавая новую реальность непосредственно в процессе своего произношения.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи**:

1. Определить степень изученности категории перформативности и французских, английских и русских перформативных глаголов.
2. Рассмотреть историю исследований заговоров в индоевропейских культурах и эксплицировать существующие классификации заговоров.
3. Описать структурно-смысловые и композиционные особенности заговора.
4. Рассмотреть роль мифологической составляющей заговора, ее мифический, антропологический, социологический и психологический аспекты.
5. Выявить виды инвокаций в заговорах, проанализировать степень их участия в перформативности заговора.
6. Определить классификацию заговоров по культурологическим признакам, а именно: участие голоса, солнечные циклы, употребление значений «правый – левый», числовой код в целом.
7. На основе классификации исследовать перформативность в заговорах на сопоставляемых языках.

Материалом исследования служат тексты заговоров на французском, английском и русском языках.

1. Французские заговоры взяты из нескольких источников, соответствующих разным периодам: заговоры, используемые в средневековой Франции, представленные в издании «Les Grimoires» (Lecouteux, 2008); сборники заговоров, собранные в наше время французским антропологом Домиником Камю (Camus, 2013, 2017).

2. Английскими источниками послужило трехтомное издание «Leechdoms, Wortcunning and Starcraft of Early England», опубликованное в Лондоне под

авторством Т. О. Кокэйна (Cockayne, 1865). Издание представляет собой работу по медицине, два раздела которой озаглавлены «Заговоры». Книга содержит древнеанглийские заклинания, формирующие их. Другие заговоры представлены в различных разделах книги.

3. Русские заговоры были извлечены из сборника, автором которого является Л.Н. Майков (Майков, 1869), опубликовавший заговоры, введенные ранее в научный обиход Ф.И. Буслаевым (Буслаев, 1990), П.С. Ефименко (Ефименко, 1878), А.П. Щаповым (Щапов, 1906). Кроме того, были использованы тексты из архива Русского географического общества – сборник «Великорусские заклинания» (1869), а также сборники русских заговоров на основе рукописных текстов XVII – первой половины XIX вв., автор А. Л. Топорков (Топорков, 2010).

По результатам исследования были сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Заговоры являются по своей природе перформативными, поскольку в заговоре проговаривается содержание категорий перформативности.

2. Исторически сложилось, что апелляции к божеству, инвокации были необходимы для функционирования заговора. Инвокации, обращения могут быть простыми, именными эксплицитными, модальными эксплицитными.

3. В заговорах используются различные виды перформативности, задействующие мифологическое бессознательное. В заговорах конституировалось восприятие реальности субъектом культуры.

4. В заговорах реализуются культурологические принципы организации культурной памяти. В качестве исследования перформативности в заговорах возможно использование классификации по культурологическим аспектам:

- а) магические квадраты,
- б) голосовая функция,
- в) солнечные циклы,
- г) «правый – левый»,
- д) числовые коды.

5. Заговоры обозначены по принципу озвучивания: заговор «проговаривается», поэтому голос имеет важное значение на том основании, что основная прагматическая функция реализуется через произнесение.

Методологической базой исследования послужили работы исследователей:

– в области семиотики (Р. Барт, Б. М. Гаспаров, В. И. Карасик, Ю. М. Лотман, Ч. Моррис, С. Г. Проскурин, Ф. де Соссюр, Ю. С. Степанов, С. М. Толстая, О. В. Соколова, Л. С. Гуревич, В. В. Фещенко, и др.),

– в области философии и философии языка (А. Вежбицкая, Э. Кассирер, Дж. Остин, Дж. Серль, Е. Benveniste, Р. Bourdieu, F. R  canati и др.),

– в области антропологии (Е. В. Вельмезова, А. Геннеп, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, К. Лоренц, Б. Малиновский, М. Мосс, Э. Тайлор, Ж. Фавре-Саада, D. Camus и др.),

– в области мифологии (Вяч. Вс. Иванов, Е. Е. Левкиевская, Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп, С. А. Токарев, Н.И. Толстой, В. Н. Топоров, Дж. Фрэзер, М. Элиаде и др.),

– в области фольклористики и мифопоэтики заговора (Т. А. Агапкина, А. Н. Веселовский, А. В. Ветухов, В. Л. Кляус, Т. А. Михайлова, Н. И. Толстой, А. Л. Топорков, В. Н. Топоров, Н.Ф. Познанский, С. Lescouteux, J. Roppe и др.).

Методы и методика исследования. В процессе диссертационного исследования были использованы следующие методы:

– семиотический подход к анализу заговоров в индоевропейской культуре, основанный на материалах древнеанглийской, латинской, французской и русской лингвокультурных традиций;

– описательный метод для определения критериев успешности перформативности;

– сравнительно-сопоставительный метод в процессе анализа заговоров;

– метод контекстуального анализа для выявления возможных интерпретаций различных типов заговоров.

Научная новизна работы заключается в выявлении особенностей функционирования перформативов в заговорах в индоевропейских языках и построении классификации заговоров, основанной на культурологических концептах.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечиваются прочной теоретической основой, опирающейся на ключевые положения теории речевых актов, лингвопрагматики и культурной семиотики, а также на репрезентативным и сопоставимым языковым материалом, охватывающим французские, английские и русские тексты заговоров. В работе используются авторитетные лексикографические, фольклорные и историколингвистические источники, прошедшие научную апробацию и признанные в отечественной и зарубежной науке.

Личный вклад автора заключается в активном участии на всех этапах исследования: в выдвижении гипотезы, получении исходных языковых данных из лингвистических корпусов и их последующей интерпретации, апробации полученных результатов на научных мероприятиях, подготовке публикаций по теме.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в следующем:

– уточнена информация о заговорах, об их природе и перформативности;

– дополнена теория о перформативности в рамках фольклорного заговорного текста, подвергающегося малым изменениям со временем;

– предложена классификация заговоров по культурологическим признакам.

Практическая значимость исследования обусловлена потенциальной применимостью его выводов в таких областях, как семиотика, а также в курсах введения в германскую, французскую и славянскую филологию, включая специализированные курсы по истории германских и романских языков.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на научных и научно методических семинарах кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета; ежегодных научных сессиях НГТУ в 2015–2022 гг.; на конференции «Язык в образовательном

пространстве неязыкового вуза: теория и практика», 2014–2016, НГТУ, на научно-методическом семинаре для аспирантов в Семиотическом Центре Лиможского университета (г. Лимож, Франция, октябрь 2014), на конференции «Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке» (Москва, Институт языкознания РАН, 13–15 мая 2015 г.), на IX международной конференции «Заговоры. Инновация и традиция» (г. Корк, Ирландия, 6–8 мая 2016 г.), на международной научно-практической конференции «Семиотическое пространство языка. Синхрония и диахрония» (Новосибирск, НГТУ, 14-15 февраля 2017 г.), на XI Международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» (Москва, РУДН, 17-18 апреля 2024 г.), РГПУ им. А.И. Герцена, (Санкт-Петербург, 17 – 18 апреля 2025 г.) и отражены в 18 публикациях, в том числе 4 статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК: Филологические науки. Вопросы теории и практики (2015), Сибирский филологический журнал (2015), Когнитивные исследования языка (2016), Когнитивные исследования языка (2022).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и выводов по ним, заключения, списка использованной литературы, состоящего из 168 наименований, среди которых 124 источника на русском языке, а также 44 – на английском и французском языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы исследования и его актуальность; определены объект, предмет, цель и задачи исследования; изложена гипотеза; дана характеристика теоретико-методологических основ; раскрыта научная новизна и практическая ценность результатов исследования; представлены методы, используемые в ходе исследования; определены положения, выносимые на защиту; представлена структура работы.

В главе I **«Теоретические предпосылки изучения перформативности заговора»** приводятся аналитические данные о подходах к изучению перформативности и заговоров. Обосновывается вывод о том, что несмотря на довольно большое число научных работ по теме исследования, представлено сравнительно немного попыток объединить соответствующую информацию и описать в комплексе перформативность на материале заговоров.

Параграф 1.1. **«Перформативы и их определение в свете развития и современного состояния семиотики»** посвящен определению перформатива в свете исторического развития семиотики. Рассмотрены критерии успешности перформатива, которые включают конвенциональную процедуру, состоящую из произнесения конкретных слов определенными лицами при определённых обстоятельствах, при этом лица, участвующие в процедуре и обстоятельства должны быть подготовлены, обладать нужными качествами для ее проведения. Особое внимание уделяется рассмотрению институционального факта, который существует в связи с соглашением между конкретными лицами. Также подчеркивается способность перформатива к аутореферентности, при которой означаемое соотносится с референтом. Исследованные концепции и

вышеназванные термины коррелируют между собой, демонстрируя связь между ключевыми понятиями перформатива и заговора.

В параграфе 1.2. «Мифологическое мышление как основная составляющая эффективности заговорных формул» рассматриваются предпосылки возникновения языка заговоров, роль ритуала и голосовой функции в перформативности заговора, а также магическая функция языка, роль мифа и культурологические основания перформативности. Таким образом, здесь предпринята попытка дать комплексное определение неязыковому воплощению перформативности заговора.

Важная роль в развитии анимистического понимания мира была отведена слову. Оно было центром, вокруг которого концентрировались схожие явления, события и предметы. С течением времени меняется система понимания мира, заговоры при этом продолжают использоваться, а в некоторых случаях их создают и в настоящее время. С лингвистической точки зрения перформативность заговора сосредоточена в эпических выражениях, концептах, которые оставались неизменными с течением времени, и в ритуалах, которыми зачастую сопровождается заговорный текст.

Существуют различные теории происхождения языка – от речи как божественного дара (*lingua adamica*) до теории, базирующейся на антропологической реконструкции речевого аппарата и палеоневрологическом восстановлении речевых зон левого полушария, которая предполагает, что у предков человека сначала формировались зоны правого полушария, отвечавшие за жесты иероглифического типа и звукового языка. Обе теории имеют важное значение для перформативности заговора, так как и голос, и ритуал являются его основными составляющими.

Ритуалы передавались от поколения к поколению, при закреплении культурных ритуалов особое значение имела традиция. Одним из главных механизмов являлся механизм привычки. Если ритуал не соблюдался в должной мере, то человек ощущал беспокойство. С каждым последующим поколением фигура предка, выполняющая роль суперличности, оказывала влияние на ритуализирование стандартов общественного поведения.

Ритуал произнесения клятвы верности своему племени означал угрозу для чужого племени. Ритуал был диалогичен, он требовал ответа – *Я клянусь* – *I swear* и ответ – *answer*. Нарушения клятвы могло повлечь за собой наказание вплоть до изгнания из племени, что было равносильно смерти, поскольку шансов выжить в одиночестве было очень мало. В случае заговора ритуал, передаваемый из поколения в поколение, несет в себе перформативный характер, он не меняется со временем даже с утерей первоначального смысла.

Заговоры в первую очередь принадлежат к устной культуре. Их перформативность связана с голосовой функцией. Первые звуки возникли для того, чтобы подчинить себе природу. В рамках заговора восклицание *Я клянусь* приобретает перформативный характер. Первобытная поэзия зародилась в бессознательном, выполняя функцию психофизического катарсиса, она оказала влияние на формирование обрядов и культов.

Как было сказано ранее, магия, к которой принадлежат заговоры, представляла собой проявление господства человека над природой. В параграфе рассматриваются классические варианты классификации магии, такие как магия гомеопатическая, основанная на законе подобия, и магия контагиозная, суть которой – реализация через соприкосновение. Также выделяются отдельно табу и прямые, и косвенные колдовские обряды, которые различаются результатом мгновенным или достигаемым через какое-либо время. Магия состоит из заговорной формулы, ритуального действия и исполнителя, которому передавались знания предыдущим поколением. Таким образом, первобытное мышление носит мистический и пра-логический характер. События, происходящие вокруг человека, понимаются как процессы, которым покровительствуют или противодействуют незримые силы.

Ритуал считается предшествующим мифу и сам по себе носит действенный характер, поскольку представляет собой сообщение в чистом виде или повествование, которое принимается на веру.

С другой стороны, миф считается инструментом разрешения противоречий путем подмены базового противопоставления *жизнь – смерть*, через оппозицию *травоядный – плотоядный*, последняя подменяется путем введения мифического существа, питающегося падалью. В случае заговора подмена может осуществляться через жертвоприношение (ранние заговоры) или использование различных биологических материалов, таких как слюна, кровь и т.п.

Миф глубоко встроен в сознание и может выступить катализатором для какого-либо состояния, он проявляется в образах, что обуславливает выполнение мифом символической функции. Например, в заговоре болезнь, побежденная Богом, Иисусом или святыми, символизирует борьбу добра и зла, представленными Богом и дьяволом. Заговоры обеспечивают символическую связь между телом человека и его окружением и представляют собой речевое обращение к глубокому бессознательному, они являются своего рода этическим законом в мире, где все подчиняется определенному порядку.

В параграфе **1.3. «История исследования заговоров. Первичные классификации заговоров»** рассмотрено понятие «заговор», его этимология и различные трактования. Исследованы источники заговоров и виды ранних известных заговоров, где сосуществуют языческие верования и христианская традиция. Рассмотрены классификации заговоров по структуре текстов и по сфере деятельности, такие как болезни, любовные заговоры, бытовые. Установлено, что подобные классификации являются удобными для конечного пользователя, но не представляют значимости для семиотического анализа.

В параграфе **1.4 «Культурологическое основание перформативности. Роль предметов и формул»** исследуется культурная составляющая перформативности в заговоре при помощи лингвистических и культурных концепций, разработанных Э. Бенвенистом. Для выполнения условия успешности перформатива необходимо, чтобы говорящий имел право произносить определённые слова в конкретной ситуации. Поскольку язык отражает категории человеческого мышления, для изучения первоначальных культурных концептов, объединяющих слово и власть, были проанализированы термины индоевропейского языка: лат. *skêptron* – скипетр,

символ власти говорящего, лат. *fas* – божественное право, лат. *auctor* – тот, кто берет на себя инициативу, кто наделен силой и властью (Бенвенист, 1995).

В основе политического института лежит структурная потребность в символической власти для оратора. Рассмотренные категории – слово, власть и божественность объединены в одно семейство терминов. Оратор наделен авторитетом согласно социальному институту, его символический авторитет также обеспечивается божественной властью, что делает его тем, кто выражает божественное мнение. В описанном выше делегировании власти обнаруживается принцип перформативности.

В параграфе 1.5. «Структура заговора» проводится сопоставительный анализ композиционной структуры русских и западноевропейских (англо-саксонских и французских) заговоров, выявляющий общие архетипические и культурно-специфические особенности. Несмотря на различия, в обеих традициях центральным перформативным ядром выступает повелительное высказывание, адресованное высшим силам. Для заговора характерна четкая структура, включающая в себя молитвенную часть, зачин, основную часть и закреп. В качестве молитвенной части используются христианские молитвы, в основном, Отче наш – лат. *Pater Noster*. Зачин более характерен для русских заговоров и включает в себя текст, в котором идет повествование о вхождении героя в магическую реальность, например, Стану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь.... В основную часть входят описания магического мира, при этом субъект исчезает и появляется персонаж. Например, *Sainte Apolline assise sur la pierre de marbre* (Camus, 2013) – Святая Аполлин, сидящая на камне из мрамора... В основную часть также входит заклинание, текст, в котором субъект принуждает персонажа исполнить его волю. Закреп представляет собой метатекст в русских заговорах, суть которого – закрепление действия. В западноевропейских заговорах вместо закрепки используют молитву Во имя отца или Amen.

Заговоры могут быть основаны на параллелизме Какъ живут между собой голубки, такъ же бы любила меня раба Божія (имярек) (Майков, 1869, с. 19), содержать эпический элемент: *Je suis entrée dans un jardin des Olivier, j'y ai rencontré Madame Sainte Elisabeth, elle me parla du flux de son ventre. Je lui ai demandé grâce pour le mien...* (Camus, 2013, с. 95) – Вошла я в Элеонский сад, там я встретила святую Елизавету, она мне рассказала о кровотечении в ее животе, я ее умоляла о пощаде для своего..., где параллелизм прослеживается между желаемым и действительным, и могут быть с независимым эпическим повествованием *Peter sat at the gate of the Temple, and Christ said to him 'What aileth thee?' he said 'Oh, my tooth!' Christ said unto Peter, follow me, and thou shalt not feel the tooth ache no more...* (Roper, 2004, с. 135) – Петр сидел у ворот Храма, и Христос спросил его: «Что с тобой?». Он сказал: «О, мой зуб!». Христос сказал Петру: «Следуй за мной, и ты больше не будешь чувствовать зубной боли».

В выводах по I главе обобщаются теоретические положения, составляющие основу исследования.

В главе II «Заговоры как воплощение перформативности» представлен анализ языкового воплощения перформативности в заговорах.

В параграфе 2.1 «Инвокация как характерная черта перформативности заговора. Таксономия инвокаций в заговоре» проанализирован номинативный призыв, обеспечивающий перформативность заговора. Инвокации разделены на три группы, согласно классификации М. Мермуда (Mermoud, 2003): простые, именные эксплицитные и модально-эксплицитные.

Наиболее многочисленными являются **простые инвокации**, что подчеркивает символическую силу имени. Чаще всего в заговорах используются инвокации к Богу: 52 инвокации из 256 рассмотренных французских (*Jésus Christ* – 36, *AGLA* – 4, *SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS* – 2, *TETRAGRAMATON* -1), к Отцу (*Notre Père*) – 9 раз и требования о прочтении *Отче наш* 98 раз. 62 англосаксонских заговора содержат 53 апелляции к Богу (упоминались следующие имена: *God* – 14, *Lord* – 14, *Christ* – 8), требование молитвы *Отче наш* – в 4 текстах. 294 русских заговора содержат 40 простых инвокаций к Богу: *Господи Иисусе Христе, Господь Бог, Царь Небесный, Сыне Божий, Сусь Христось*, 8 заговоров требовали прочтения *Отче наш*.

Почти каждое из ведических заклинаний вызывает к помощи Индра, Варуны, Агни или другому важному индоарийскому божеству. Ф. Грендон (Grendon, 1909) пишет о том, что призыв к дружественным высшим силам характерен для церемониальных магических практик всех примитивных рас, но по причине влияния христианской церкви аллюзии на оригинальных языческих богов в заговорах очень редки, так как любое упоминание об идолах заменялось на имя Бога или святых. В 6 англосаксонских заговорах прослеживается апелляция к языческим силам, например: *Then Woden took nine thunderbolts and struck the serpent so that in nine parts it flew* (Grendon, 1909, с. 193). *Затем Воден получил девять ударов молнии и ударил змея так, что он разлетелся на девять частей.* Если сравнить два варианта Мезербургского заговора, то становится очевидным переход от языческих божеств к наименованию христианского Бога.

Phol and Woden rode to forest where sprained was the foot of Balder's foal ...Then Woden charmed it, who could charm it well: 'Leg luxation, and blood luxation, and limbluxation, Bone to bone, blood to blood, Limb to limb as they were glued together (Grendon, 1909, с. 149). *Фол и Воден поскакали в лес, где жеребенок Бальдра вывихнул ногу...Затем заколдовал его Воден, который хорошо умел очаровывать: "Вывих ноги, и вывих крови, и вывих лимба, кость к кости, кровь к крови, конечность к конечности, когда они были склеены вместе.*

Our Lord rode, his foal's foot slade; Down he lighted, his foal's foot righted. Bone to bone, sinew to sinew, Blood to blood, flesh to flesh: Heal in the name of the Father, Son, and Holy Ghost (там же) – *Наш Господь скакал верхом, нога его жеребенка была сломана; он упал, нога его жеребенка выпрямилась. Кость к кости, сухожилие к сухожилию, Кровь к крови, плоть к плоти: исцели во имя Отца, Сына и Святого Духа.*

Второй по частности употребления является инвокация к Богородице, во французских заговорах – 16 обращений (из 256 текстов), в англо-саксонских исследованных текстах – 2 (из 62), в русских заговорах – 29 (из 294). В англосаксонских заговорах инвокация к Богородице встречается в двух заговорах *Land remedy* (на исцеление земли) и *Journey spell* (заговор на удачную дорогу).

Earth I pray, and Heaven above, And the just and saintly Mary, And Heaven's power and Temple high (Grendon, 1909, с. 175). *Землю я молю, и Небеса выше, и справедливая и святая Мария, И Небесная сила, и Храм высокий.* В данном заговоре Богородица выступает в качестве связующего звена между высшими и землей, таким образом, прослеживается аллегория – Богородица, земная женщина, родила Иисуса Христа, сына Бога.

В зависимости от темы заговора применяются инвокации к различным святым, Троице, двенадцати апостолам. Чтобы заменить имена языческих богов, церковь применяла одно из обозначений Бога или Христа, таких как Deus, Эмануил или Адонай.

Во французских и русских традициях обращались к различным святым в зависимости от направленности заговора. Например, в заговоре от зубной боли использовалось эпическое описание, *historiette*, но инвокации были к разным святым, что говорит о том, что в каждой культуре для перформативности могли быть вариации.

Sainte Apolline, assise sur la pierre de marbre,

Notre Seigneur

Passant par là lui dit :

« ***Apolline***, que fais-tu là ? »

« *Je suis ici pour mon chef,*

Pour mon sang,

Pour mon mal de dents... » (Camus, 2013, с. 74).

*Святая Аполлина, сидящая на мраморном камне,
наш Господь*

Проходя мимо, он говорит ей:

« *Аполлинария, что ты здесь делаешь?* »

« *Я здесь из-за своего шефа,*

из-за своей крови,

из-за своей зубной боли... »

***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго раба своего (имярек), отъ зубной болѣзни; исцѣлитель св. Антипій стоитъ при сукходолѣ; у него подъ тѣмъ древомъ стоятъ два святителя Христовы, св. Іоаннъ Богословъ и св. Антипій, заворазиваютъ св. Тихона Преподобнаго: «Болятъ ли у мертваго зубы или нѣтъ? Говоритъ Тихонъ Преподобный: «Святителю Христовъ Іоаннъ Богословъ, когда у мертваго зубы болятъ! Такъ же бы и раба Божія (имя рекъ) зубы не болѣли, не щемили, и не ломилъ, и не пухли; а мое слово, аки замокъ въ огненной рѣкѣ, ключъ на Окіанѣ морѣ. Аминь* (Майков, 1869, с. 35).**

Св. Антипий принял мученическую смерть за отказ поклоняться языческим богам. Св. Аполлине вырвали зубы из-за ее веры в Христа. Истории святых в инвокациях сходны. Русский заговор усилен инвокациями к Богу, к Св. Иоанну Богослову, апостолу и ведущим беседу святым Тихоном Преподобным. Во французском заговоре беседу ведет сам Бог.

Из языческих простых инвокаций отмечаются инвокации к земле *Earth Mother of Earth, Мать сыра земля Пелагея*, также для русской традиции характерны

инвокации к заре *Заря-зарница, красная девица*, во французской к огню *Feu, feu, cesse ton feu*.

Простые инвокации выполняют номинативную функцию, создавая условия для перформативности, – упоминание имени обладает силой для исполнителя заговора.

Именная эксплицитная инвокация представляет собой делегирование силы в заговоре от божественных сил. Этот вид инвокаций представляет собой не прямые обращения к высшим силам по типу *во имя...* в русских заговорах, *au nom de...* во французских и *in the name of...* в англо-саксонских. Эксплицитной она является, так как воззвания осуществляются к имени божества, а не к нему самому. *Au nom du Père, du Fils et du Saint Esprit* (во имя Отца и Сына и Святого Духа) в изученных 256 французских заговорах встречается 41 раз, по одному разу *Au nom de Jésus* (во имя Иисуса), *Au nom la Sainte Trinité et des trois clous qui crucifèrent NSJC* (во имя святой Троицы и трех гвоздей, которыми распяли Нашего господа Иисуса Христа), *Au nom de la bienheureuse Mère de Notre Seigneur* (во имя благословенной Матери Божией). В 294 проанализированных русских текстах заговоров было употреблено *Во имя Отца и Сына и Святого Духа* 34 раза. Что касается англо-саксонских заговоров, то в 62 изученных текстах было использовано дважды *In nomine patris et filii et spiritus sancti* (Во имя Отца и сына и Святого Духа), и один раз *In the holy name of Him In nomine domini* (Во святое имя Его, во имя господа).

Именная эксплицитная инвокация наиболее часто встречается в лечебных заговорах, поскольку в средние века считалось, что болезни происходят от злого духа, овладевающим телом. Герм. *nain, elf*, в связи с этим люмбаго называлось *trait de l'elf*, проклятие эльфа (это не совсем точный перевод, но он выражает суть болезни). Для христиан болезнь означает завладение души злыми силами (Lescouteux, 2008), поэтому эти заговоры похожи на экзорцизм, именная эксплицитная инвокация позволяет исполнителю заручиться поддержкой Высших сил.

П. Бурдьё (Bourdieu, 1982) полагает, что для успешности перформатива необходимы компетенция, признание и делегирование. В случае заговора делегирование от высших сил передается символически посредством именных эксплицитных инвокаций. Исполнитель претендует на то, что он действует *во имя*, то есть вместо божества, к которому он обращается.

Эксплицитно-модальные инвокации также представляют собой делегирование, но апелляция выражена с помощью предлогов *par* – через, с помощью, в английских – *by*, в русских – существительным в творительном падеже (помоги (чем?) – Крестом, силой, властью), целью которых является призвать эксплицитно необходимые силы в качестве *modus operandi*.

Данных инвокаций сравнительно немного в текстах заговоров, 16 в изученных 256 текстах на французском языке, 2 в англосаксонских заговорах из 64 и 3 в русских из 294 проанализированных: *par la grâce de Dieu* – милостью Бога, *par sa toute-puissance* – Своим всемогуществом, *par le Père* – Отцом, *par l'ange Michel* – Ангелом Михаилом; *By Grace of God* – по милости Божией, *by Christ* – Христом Господом, *Ключем Божиим, твоими, Господи, молитвами*.

Часто инвокация осуществляется к качеству призываемого божества, для перформативности заговора инвокации к мощи, силе, мудрости, добродетели наиболее репрезентативны.

В параграфе 2.2. «Грамматические формы глагола как проявление перформативности в заговоре» исследуются следующие перформативные формы глаголов в контексте заговоров: формы повелительного наклонения, сослагательного наклонения и настоящего времени изъявительного наклонения.

Формы скрытого пожелания и приказа выражаются в заговоре с помощью **сослагательного наклонения**. В исследуемом материале было выявлено 8 данных вербальных форм на французском языке, все в настоящем времени, из них только одно употребление в придаточном, остальные – в независимых предложениях; 14 форм на английском языке и 6 на русском: *Que les cinq plaies sacrées m'aident à te lier, voleur! Que le Christ saint qui est né à Bethléem m'aide à te lier !* (Lecouteux, 2008, с. 143) – *Да помогут мне пять священных ран связать тебя, вор! Да поможет мне святой Христос, родившийся в Вифлееме, связать тебя!*, *Que le Christ saint m'aide à te lier. Que m'aide le ban que Dieu a mis sur les morts* (там же) – *Да поможет мне святой Христос связать тебя! Да поможет мне запрет, который Бог наложил на мертвых; May the Almighty, the eternal Lord, grant you fields flourishing and bountiful* (Grendon, 1909, с. 175) – *Да дарует тебе Всемогущий, вечный Господь, поля цветущие и обильные; чтобы у рабы Божия (имя рекъ), родимаго человека, отнынѣ и до вѣка, не болѣло и не щемило, внизъ нѣ спущалось и не окаменѣло»* (Майков, 1869, с. 30); *Такъ же бы и у раба Божія (имя рекъ) зубы не болели, не щемили, и не ломили, и не пухли* (Майков, 1869, с. 65–68); *чтобы естя отъ него отошли вси отсельне имѣсте власти ни мучити, престали бы естя, заклинаю же васъ Богомъ живымъ, Богомъ истиннымъ, Богомъ святымъ, чтобы естя отошли отъ сего раба Божія (имя рекъ) крестьянска во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь* (Майков, 1869, с. 51).

В заговоре просьба выражается с помощью сослагательного наклонения, этот вид просьбы является более осторожным. Власть, вышестоящая по отношению к говорящему, с помощью формулирования просьбы-пожелания последнего создает реальность, – делает его пожелание материальным и проявившимся в этом мире. Однако следует понимать, что речь идет не о реализации процесса, а о пожелании его исполнения.

Повелительное наклонение имеет некоторые особенности в контексте заговора, поскольку возникает апория – может ли христианин приказывать Богу и высшим силам. Анализ текстов показывает, что форма повелительного наклонения имеет оттенок просьбы, – помоги, спаси, защити. В изученных 256 французских заговорах содержится 9 случаев использования повелительного наклонения, из 64 англо-саксонских заговоров было употреблено 7 императивов, в 294 русских заговорах было использовано 64 глагола в повелительном наклонении. *†alpha †omega† primus † et novissimus† principum et finis défends-moi du mal de dents, toi qui ne créas tout de rien à l'origine* (Lecouteux, 2008, с. 86) – *Альфа. † Омега † первый † и последний † начало и окончание. Защити меня от зубной боли, ты, кто создал все из ничего изначально; Prends pitié de ton serviteur N.* (Lecouteux, 2008, с. 95) – *сжался над своим слугой Н.; Full field of food for the race of man, brightly blooming,*

be you blessed (Grendon, 1909, с. 177) – *полное поле пищи для рода человеческого, ярко цветущее, будь ты благословенно; Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грѣшнаго раба своего (имя рекъ), отъ зубной болѣзни* (Майков, 1869, с. 35); *О, Пресвятая Богородица, закрой раба Божія (имя рекъ) своей' пеленой и нетлѣнной ризой и избавь его отъ щепоты...* (Майков, 1869, с. 53).

В магическом сознании действие должно быть подкреплено могущественными силами, обеспечивающими его силу и эффективность. Отсюда становится понятным приказание Богу – за каждым приказом скрываются смиренность и покорность практикующего. Каждая перформативная попытка содержит инвокацию, являющуюся признанием слабости и бессилия. В отличие от канонических случаев перформативности повелительного наклонения, описанных Дж. Остином, где команда командира подразумевает приказ, в данном случае повелительное наклонение превращается в просьбу, отражающую неспособность практикующего.

Мифологическая составляющая заговоров актуализируется через форму **настоящего времени изъявительного наклонения**. В контексте заговора сутью употребления этой формы является утверждение, не допускающее возражений, здесь отсутствует скрытая просьба или пожелание, как это было в формах повелительного и сослагательного наклонений. Реальность не должна наступить, она уже наступила. Всего встречается 10 случаев использования глаголов изъявительного наклонения настоящего времени в 256 изученных французских заговорах; в изученных 64 англо-саксонских заговорах было 4 случая использования настоящего времени изъявительного наклонения в двух текстах; в 294 исследованных русских текстах заговоров было выявлено 6 глаголов настоящего времени изъявительного наклонения. *Je vous conjure ! – Я вас заклинаю; Je vous conjure, fièvres, vous qui êtes sept sœurs ! La première s'appelle Elia, la seconde Sicilia, la troisième Vellea, La quatrième Suffocalia, la cinquième Commonia, la sixième Genia, la septième Eena* (Lecouteux, 2008, с. 96) – *Я заклинаю вас, лихорадки, вас, Семь сестер! Первая называется Илис, вторая Сицилия, третья Веллея, четвертая Суффокалия, пятая Коммуна, шестая Жения, седьмая Эена. Écris EXMAEL EXMAEL, puis tu lui mets sur la tête sans qu'il sache (en disant): Je t'adjure, par l'ange Michel, de faire dormir cet homme* (Lecouteux, 2008, с. 83). *Наниши ЭКСМАЭЛЬ ЭКСМАЭЛЬ, а затем положи ему на голову, чтобы он не знал (сказав): Я заклинаю тебя ангелом Михаилом, усыпи этого человека; Eastward I stand, for blessings I pray, I pray the mighty Lord, I pray the potent Prince, I pray the holy Guardian of the celestial realm, Earth I pray, and Heaven above...* (Grendon, 1909, с. 177) – *Я стою на Востоке и молюсь о благословении, Я молю могущественного Господа, я молю могущественного принца, В молитве святому Хранителю небесного царства я молюсь Земле и Небесам надо мной... I protect myself with this rod,1 and commend myself to the grace of God, against the grievous stitch, against the dire stroke of disease* (Grendon, 1909, с. 177) – *Я защищаю себя этим жезлом и вверяю себя милости Божьей от тяжкого удара, от ужасного приступа болезни; Пречистая Мати посылаетъ своихъ слугъ на небеса по всго силу небесную, и не ослушается вся сила небесная: напередъ поѣзжаетъ Флоръ и Лавръ, за Фроломъ и Лавромъ Михаилъ архангелъ, за Михаиломъ архангеломъ, Козьма и Даміанъ. за*

Козьмой и Даміаномъ, Георгій Храбрый; и пріѣзжаютъ къ моей скотинѣ, отсылають и отганивають всякаго ноктя, злого, лихого и лихую болѣсть, ноздревой. гривной, спинной, жилной, опуховой, нутряной, стричной, постижной, витряной и суставной, и свистовой, и окорачной, и ножной (Майков, 1869, с. 76).

Настоящее время изъяснительного наклонения позволяет актуализировать мифологические данные в реальности практикующего, выступая в качестве этического механизма – речь идет о существующих силах и о том, чтобы убедить участников в могуществе этих сил с их возможностью разрешить задачу.

В **выводах по II главе** показано, что лингвистическая составляющая перформативов выражается через инвокации и перформативные формы глаголов.

III глава «Проявление перформативности в текстах культуры» посвящена рассмотрению культурных концептов, отраженных в классификации по культурологическим признакам. Были выделены такие культурологические аспекты, как заговоры – магические квадраты, вербальные и имплицитные заговоры, числа в заговоре, а также заговоры, отражающие солнечные циклы.

В параграфе **3.1. «Исследование эволюции перформативности заговора через классификацию по культурологическим аспектам»** обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к изучению перформативности заговоров, сочетающего мифологический, лингвистический и культурологический аспекты, поскольку миф и язык взаимно репрезентируют архаическое мышление. В отличие от традиционных классификаций, основанных на нозологическом или алфавитном принципе, предлагается оригинальная культурологическая типология, ориентированная на устойчивые символические концепты: магические квадраты, вербальные и имплицитные формы, числовую символику и солнечные циклы. Эта классификация позволяет проследить трансформацию и сохранение перформативной силы заговоров в поликультурном пространстве сквозь призму мифологического сознания. Магические квадраты рассматриваются как раннее проявление перформативности, например, квадрат SATOR APERO TENET OPERA ROTAS датируется 70 г. н. э., он был обнаружен в христианской церкви Помпеи. В магическом квадрате отчетливо выделяется перформатив – крест в центре **TENET**.

S A T O R
A P E R O
T E N E T
O P E R A
R O T A S

Эта формула, прошедшая через ряд трансформаций в значении, не только не перестала быть перформативной, но и стала ядром перформативности, о чем свидетельствует применение этой формулы в христианской молитве Отче Наш. В христианском заговоре 11 века для благополучного родоразрешения нужно было читать *Sator, Arepo, tenet, Opera, Rotas* (Lecouteux, 2014). Следующее упоминание этого квадрата встречается в «Письмах Гиппократата» 12 в. (Lecouteux, 2014, с. 281). К животу роженицы нужно было привязать написанный заговор: *Maria peperit Christum † Anna Mariam † Elizabeth Johannem † Celina Remigium † sator † arepo † tenet † opere † rotas†*. Заговор представляет собой перечисление святых, родивших

детей, ставших святыми: *Мария родила Христа, Анна родила Марию, Елизавета Иоанна, Селина Ремигиуса*, в завершение применяется формула квадрата Sator. Для того, чтобы узнать, является ли женщина ведьмой, нужно было написать:

SATOR†

CruX Jesu Christi mild epos

AREPO †

CruX Jesu Christi Mesopos

TENET †

CruX Jesu Christi Habenepos

OPERA

ROTOS (Lecouteux, 2014, с. 285)

SATOR†

Крест Иисуса Христа легкая эпонея

AREPO †

Крест Иисуса Христа Месопос

TENET †

Крест Иисуса Христа Абинепос

OPERA

ROTOS

В этом заговоре используются слова-анаграммы, но на этот раз в чередовании с предложениями на латинском языке, из которых можно четко перевести лишь Крест Иисуса Христа. Заговор, основанный на перформативном ядре SATOR, включает в себя также упоминания о кресте напрямую, что делает его максимально перформативным.

Голос рассматривается как важная составляющая успешной заговорной практики. По результатам анализа заговоров было выявлено, что в 192 из 567 заговорах упоминалось о голосе, но не указывалась громкость; поскольку заговоры, требовавшие шепота, имели четкие инструкции по поводу громкости голоса, то можно сделать вывод о том, что остальные голосовые заговоры требовали произнесения вслух. В русских заговорах чаще всего упоминается о том, что нужно проговорить, сказать, например, заговор от кровотечения (Топорков, 2010, с. 538): *Кровь заговаривать. Глаголи 3. От кости, от жилы увечной, крови раба своего имрек во веки веков. Аминь*. Среди исследованных английских заговоров не было ни одного с указанием произнести шепотом, большинство было рекомендовано произнести или пропеть. Например, заговор от боли в ногах (Grendon, 1909, с. 184): *For pain in the limbs sing nine times the following charm thereon, and spit your spitde on [the place affected]*: «*Malignus obligavit, angelus curavit, dominus saluavit*». – От боли в ногах нужно спеть 9 раз и плюнуть на поврежденное место. «*Malignus obligavit, angelus curavit, dominus saluavit*» (*недоброжелатель принуждает, ангел опекает, бог исцеляет*). Среди французских заговоров мы видим также заговоры с произнесением тихим голосом – на ухо больному. Например, заговор от эпилепсии «*Ananizapta*» *Скажи это слово на ухо больному, потрясая его колено. Он придет в себя без всякого сомнения* (Lecouteux, 2008, с. 92), любовный заговор *Скажи эти три слова ей (девушке) на ухо: Sancitan Sanamiel samafoelis*» (Lecouteux, 2008, с. 121). Эта

практика нашептывания характерной оказалась только для французских заговоров, встретились 5 раз.

Наряду с устными заговорами существовали параллельно письменные заговоры. Они использовались как обереги или амулеты, сопровождалась обрядами. В русской традиции фиксация заговоров началась в XVII–XVIII вв., поэтому рукописные заговоры обладают книжным характером, относительно объемны, большей частью их переписывали священнослужители. Неграмотные люди могли использовать заговоры в качестве амулетов.

Среди проанализированного корпуса текстов один письменный заговор для облегчения родов обладает ритуалом, сходным с французским заговором: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Обрете Господь наш Иисус Христос, со святым Иванном Б(о)гословом обретош(а) жену Анну, имярек, родящу, чревом болящу, не могущю ей родит(и). Реч(е) Господь наш Иисус Христос Иванну Богослову: Иди, Иванне, и рчи ей в правое ухо ко Анны, имярек: от Бога родимое и от Бога питаемое, выд(и), младенец, ко Христу, Христос зовет тя* (Топорков, 2010, с. 100). Этот заговор было сказано написать и обязать написанным текстом голову жены-роженницы для облегчения родов. Французский заговор: «напиши псалом *Dixit iniustus* (сказал несправедливо) на капюшоне беременной женщины, прикрепи его к ее правой руке и плод ее живота будет сохранен до родов» (Lecouteux, 2008, с. 104).

Таким образом, голосовая функция запускает перформативность заговора, который может проговариваться громко, произноситься шепотом или пропеваться. Наряду с голосовыми заговорами бытуют письменные, для запуска их перформативной силы требуется наличие ритуала.

Числовые коды использовались для упорядочивания хаотического и неорганизованного. Счет является собиранием беззащитного под защиту порядка: *Истинный Христосъ Сынъ Божій и Царица небесная, Мати Пресвятая Богородица! Соблюдайте и сохраните мое счетное стадо, по долямъ ходячи, по зеленымъ лугамъ, по болотамъ, по скаламъ, около большихъ рѣкъ и ручьевъ, озеръ и подлѣ морей...* (Майков, 1869, с. 117), *Dis ceci: «Je panse la blessure par les trois noms afin que tu emportes feu, eau, vertige, enflure et tout ce qui peut aggraver l'enflure, au nom de la Sainte Trinité». Tu diras cela trois fois. Fais trois fois le tour de la blessure avec un fil...»* (Lecouteux, 2008, с. 236) – *Скажи следующее: «Я перевязываю рану тремя именами, чтобы ты убрал огонь, воду, головокружение, отек и все, что может усугубить отек, во имя Святой Троицы». Ты скажешь это три раза. Обведи рану проволокой три раза.*

Заговор является мифом и ритуалом, словом и делом одновременно, он особенно актуален, когда речь идет о жизни и смерти, о здоровье и болезни, и ритуальное становится сильнее мифического и лишь оно вселяет надежду на спасение. Первичны заговоры от болезней, а не для здоровья, поэтому в них наблюдается отрицательная последовательность чисел – на уменьшение, каждое число как шаг к обретению здоровья. *У нашего (имя рекъ) девять женъ; послѣ девяти женъ восемь женъ, послѣ восьмиженъ семь женъ; послѣ семи женъ шесть женъ; послѣ шести женъ пять жен послѣ пяти женъ четыре жены,*

послѣ четырехъ женъ три жены; послѣ трехъ женъ двѣ жены; послѣ двухъ женъ одна жена, послѣ одной жены ни одной... (Майков, 1869, с. 80);

Dix, dartre, je te barre, je te lève ;

Neuf, dartre, je te barre, je te lève ;

Huit, dartre, je te barre, je te lève, etc.

Jusqu'à rien (Camus, 2012, с. 71).

Десять, лишай, я тебя преграждаю, я тебя убираю,

Девять, лишай, я тебя преграждаю, я тебя убираю,

Восемь, лишай, я тебя преграждаю, я тебя убираю,

И т.д. до ничего

В сборнике Л. Н. Майкова – 376 заговоров, количество чисел велико – более 1100 на 159 страницах. В сборнике французских заговоров Д. Камю числа используются в каждом из 168 заговоров, в сборнике Grimoires меньше, около 250 указаний чисел в 305 текстах. На первом месте по частотности идет число три, употребляемое в исследованных русских текстах 470 раз, 62 раза в изученных 160 французских заговорах и 38 раз в 305 исследованных текстах Grimoires, в англо-саксонских 62 текстах число три употребляется максимальное количество раз – 17. На втором месте в русских текстах идет число семь, которое встречается у Майкова 115 раз, 12 раз в Grimoires и один раз в сборнике Д. Камю, в котором второе место по частотности занимает число пять – 42 раза и 6 раз в Grimoires и лишь один раз в сборнике Майкова – при перечислении, в англо-саксонских изученных 62 текстах второе место отводится числу девять, которое использовалось 11 раз.

Наиболее употребляемо число три. Оно во многих мифоэпических традициях представляет собой константу вертикальной оси – Земля, небо и подземное царство. Три участвует в моделировании самых важных идей – три времени – настоящее, прошлое, будущее, три стадии процесса – начало, середина, окончание, три категории лица – я, ты, он. Этимология восходит к и/е. корню *ter, значение которого *сквозь, пронзать. На томъ кампѣ лежатъ три камня, на тѣхъ камняхъ стоятъ три гроба, въ тѣхъ гробахъ три доски, на каждой доски три тоски* (Майков, 1869, с. 15); *Si quelqu'un perd son sang par les narines, dis ces trois mots par trois fois : taх naх paх* (Lecouteux, 2008, с. 80) – *Если у кого-то идет кровь из ноздрей, произнеси эти три имени трижды : тах naх paх*.

Следующие по частотности цифры семь и девять в русских заговорах. Согласно работе Топорова, семь есть сумма три и четыре – четыре стороны света, девять – это утроенная три, усиление числа три, образ активности и динамичности, в то время как четыре – это статичность. И/е. *Sept* семь, др.инд *sapta* – семь, лат. *septum*, праслав. *Седмь. Sepelire sepultum* лат. Погребать, *saparaуа* инд. Почитание. Предположительно, семантика семь положительная, так как корень *ser* принадлежал к ритуальным текстам. *Семь вѣтровъ буйныхъ, идете? Куда пошли?* (Майков, 1869, с. 9); *Miserere mej Domine quoniam. Si une femme souffre d'hémorragie, prends une coupe de vin et récite sept fois ce psaume dessus, puis fais-la boire* (Lecouteux, 2008, с. 83). *Помилуй меня, Господи. Если у женщины произойдет кровотечение, возьми чашу вина и прочти над ней этот псалом семь раз, а затем напои ее*.

В основе *девять* находится индо-европейский корень *neu-os*, за которым, видимо, начинается новый фрагмент: *For pain in the limbs sing nine times the following charm* (Grendon, 1909, с. 185) – *При болях в конечностях пропойте девять раз следующее заклинание.*

Число пять достаточно часто встречается в лечебных заговорах в сборнике Д. Камю, 41 упоминание числа пять из 181 упоминания чисел вообще и 6 упоминаний в Grimoires. Поскольку заговоры подвергались христианизации, то в них используется число пять как отсылка на количество ран у Иисуса Христа. Приведем примеры: *Réciter cinq Pater et cinq Ave en l'honneur des cinq plaies du Christ* (Camus, 2012, с. 70) – *Прочтите пять Отче наш и пять «Радуйся, Мария» в честь пяти ран Христа.*

Числа два, четыре, шесть, восемь встречаются очень редко, поскольку четные числа символизируют стабильность, для упорядоченности хаоса требуются динамичные нечетные числа.

Солярные мифы были также важны для архаичного сознания, так как с ними связаны деления на времена года, которым соответствовали определенные части дня. Например, лету соответствовал день, а зиме – ночь. Межевое время, перед рассветом или закатом, считалось подходящим для магических действий и обращение к высшим силам, чаще всего к нечистым. *От зубной боли знахарка выходит ночью во двор и, увидев луну, трижды говорит: «Месяц золотой, у тебя зубы не болят, у раба божьего не болят»* (Майков, 1869, с. 37).

Основываясь на солярных мифах, появился обычай обходить дом или церковь по часовой стрелке – посолонь, в индуистском обряде существовал обычай дакшина – обход по часовой стрелке вокруг помещения, оставаясь правой рукой к центру. Правая сторона, таким образом, считалась благоприятной в отличие от левой.

О понимании правой стороны как благоприятной говорит в своей работе С. Г. Проскурин (Проскурин, 1990) – правая рука как символ мужского, левая – женского, левая рука держала щит, правая рука была праведная, значение *правого* – *правильный*.

Выделяются следующие бинарные оппозиции, обозначающие **правый-левый**: почетный – непочетный, небесный – земной, позитивный – негативный, здоровый – больной. Последняя оппозиция четко прослеживается в текстах заговоров. Для излечения от укуса пчелы: *Take earth, with your right hand throw it under your right foot, and say, – «I take under foot; I have located it. Lo, earth is potent against every sort of creature, And against hatred and against forgetfulness, And against the mighty spell of ma»* (Grendon, 1909, с.169). – *Возьми землю правой рукой, брось под правую ногу и скажи – «Я беру под ногой и кладу туда, О, земля сильна против всех живых существ, против ненависти и беспамятства, и против сильных людских заклинаний».* В русском заговоре от зубной боли нужно плюнуть через **левое** плечо и сказать: *«Исповедовал Иоанн истину в сухом дереве и воде: был я в поле, видел мертвых. У мертвых зубы не болят. Так чтобы и у меня, раба Божия, не болели»* (Майков, 1869, с. 36). Против эпилепсии во французских заговорах служит слово † *Ananizapta* †, которое нужно сказать больному в **правое**

ухо, потряхивая его за колено (Lecouteux, 2008, с. 92). Указательным пальцем **правой** руки надо очертить знак креста на ожоге, проговаривая: *Brulûre, brulûre, je te conjure de faire partir ta violence aussi vite que Judas a trahi Notre seigneur Jésus-Christ au mont des Olives* (Camus, 2013, с. 56) – *Ожог, ожог, заклинаю тебя отпустить твою силу так же быстро, как Иуда предал Господа нашего Иисуса Христа на Елеонской горе.*

Проанализированный корпус текстов позволяет сделать вывод о том, что солнечные циклы и бинарная оппозиция *правый – левый* являются перформативным ядром заговора, так как несут в себе связь с мифологическим бессознательным.

В **заключении** представлены результаты исследования языковой и культурологической составляющих перформативности заговора. Заговор является воплощением перформативности, так как рассчитан на одновременное произнесение текста и совершение ритуала. Таким образом, в качестве объекта исследования выступает перформативность заговоров, предметом являются тексты заговоров с позиции воплощения перформативности.

Обзор литературы позволил обосновать актуальность данного исследования, которое опирается на теорию речевых актов Джона Остина. Перформативы противопоставляются констативам, так как служат для осуществления действий, и в отличие от констативов, могут быть не истинными или ложными, а успешными или неуспешными. Для успешности перформатива требуется определенная конвенциональная процедура. В рамках заговора, перформативные глаголы, такие как *Я обещаю* или *Заклинаю*, приобретают еще большую силу, так как направлены на божества. Неправильное соблюдение процедуры – в данном случае ритуала, – приводит к неуспешности заговорного перформатива. Необходимо добавить, что в заговоре смешивается личная ситуация больного и внеисторическая ситуация. Взаимосвязь этих двух составляющих позволяет выявить причину появления зла при взаимодействии тела и внешнего мира и также способствует избавлению от него. Исходя из этого утверждения, можно сделать вывод о неизменности заговора и ритуала с течением времени, что представляет особый интерес для исследования.

В первой главе мы проанализировали этимологический взгляд на перформативность, что позволяет сделать следующий вывод: для успешности политического института необходим символический авторитет того, кто говорит и кто наделен институциональной властью. С точки зрения заговора эта власть делегируется высшими силами, обуславливая магический принцип перформативности.

Благодаря своей природе и цели – изменение реальности с помощью речевого акта и ритуала – заговоры имеют четкую структуру, в которой выделяются молитвенное вступление, зачин, эпическая часть, пожелание, закрепка и молитвенное завершение. Более ранние заговоры обладают упрощенной структурой, сводившей иногда к одному слову и сопровождающему ритуалу.

Выдвинутая нами гипотеза о том, что заговоры конституируют реальность, была подтверждена в ходе исследования. Было изучено языковое воплощение перформативности, включающее в себя инвокации к божествам и

перформативные формы глаголов. Инвокации были распределены на три группы: простые (номинативные), суть которых заключается в том, что отношения между практикующим и объектом помещаются под знаком силы и человек создает нечто, на что он может оказать влияние благодаря этим силам. Поэтому часто использовали имена святых, отвечающих за разные заболевания: например, при родах обращались к Богородице. Инвокации номинативные эксплицитные представляют собой неявные обращения к именам божеств. Практикующий выполняет действия во имя какого-то божества, то есть вместо того, к которому он обращается. Эксплицитно-модальные инвокации имеют цель – призвание необходимых высших сил в качестве *modus operandi*.

При анализе перформативности в заговорах были выявлены следующие перформативные глаголы и видовременные формы: глаголы в сослагательном наклонении выражают не реальность, а концепцию разума, действие рассматривается как желаемое и называет цель, которую нужно достичь; глаголы в настоящем времени изъявительного наклонения показывают максимальную актуализацию: с помощью этой формы реальность для говорящего не ставится под сомнение, а произносится как существующая; перформативность, выраженная глаголами в повелительном наклонении, выглядит очевидной – слово, за которым следует действие, но в контексте заговора это приобретает оттенок просьбы.

В своем исследовании мы вышли за рамки глагольности и определили классификацию, основанную на культурологических признаках, которая позволяет рассмотреть культурологические концепты, используемые в заговорах в диахроническом аспекте. Нами были выбраны:

- магические квадраты, которые известны с давних времен и постепенно приобрели магическое значение. В заговорах по этому принципу упоминался магический квадрат, содержащий в себе формулу SATOR. В русской и англосаксонской лингвокультурах этот концепт не был встречен в ходе анализа;

- голосовые и письменные заговоры. Анализ текстов заговоров позволяет говорить об их вербальной природе. Голос является условием успешности заговорного перформатива. С появлением письменности тексты стали переписываться, письменные заговоры бытовали наряду с голосовыми, приобретая значение амулета;

- числовые коды. В мифологии числа играют роль организующих элементов, в архаичных традициях они использовались для восстановления порядка в циклической системе развития. Наиболее часто употребляемые числа в заговорах – три (как показатель связи с триединством), семь (как указание на завершение одного этапа и начало нового) и во французских заговорах – пять (как символ количества ран Иисуса);

- солнечные циклы имеют связь с архаическими солярными мифами, говорят о цикличности времени. Они лежат в основе верований о времени произнесения заговоров в зависимости от их целей;

- правый – левый. Правый изначально имел значение *правильный*, правая рука считалась благоприятной, в отличие от левой, в заговоре часто используется бинарная оппозиция правый – здоровый, левый – больной, что проявляется в текстах и в ритуалах.

Таким образом, мы пришли к выводу, что, с помощью языковых и культурологических проявлений перформативности заговоры апеллируют к мифологическому, бессознательному, конституируя реальность. Перформативные ядра состоят из перформативных глаголов, инвокаций и культурологических концептов, формируя реальность для практикующих и задействуя мифопоэтическое. Заговор конституирует реальность у практикующих, он перформативен, современные тексты содержат формы ранних перформативов, видоизмененные в связи с христианизацией. Для каждой национальности имеют перформативное значение их святыне, но инвокация к Богу и Богородице является перформативной вне национальности.

В качестве перспективы развития темы исследования предполагаем разработку типологических перформативных ядер заговора на основе их семантико-ритуальной функции, изучить перформативность заговоров в диахронии до современных адаптаций в цифровой среде, а также рассмотреть заговор в сопоставлении с другими текстами: молитвой, клятвой, политическим декларированием, рекламой.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Кривенко, Е. В.** Концепты СОЛНЦЕ и ПРАВО – ЛЕВО в заговорах (на примере французского, английского и русского языков и культур) / Е. В. Кривенко // Когнитивные исследования языка. Вып. 3 (50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 15–16 сент. 2022 г. – 2022. – С. 515–519 (0,2 п.л.).

2. **Кривенко, Е. В.** Семиотические особенности родинного заговорного текста (на материале французского, английского и русского языков) / Е. В. Кривенко // Когнитивные исследования языка = Cognitive Studies of Language. – 2016. – № 25. – С. 646-650 (0,2 п.л.).

3. **Кривенко, Е. В.** Инвокации как проявление перформативности в заговорах (на примере французского, английского и русского языков) / Е. В. Кривенко // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 6–11 (0,5 п.л.).

4. **Кривенко, Е. В.** Мифологическое мышление как основная составляющая эффективности заговорных формул (на примере французского языка) / Е. В. Кривенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1/2 (43). – С. 109–113 (0,45 п.л.).

Публикации в прочих научных изданиях:

5. **Кривенко, Е. В.** Использование числовых кодов в заговорах (на материале французского и русского языков) / Е. В. Кривенко // Актуальные

проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: сб. мат. 11 междунар. науч. конф., Москва, 17–18 апр. 2024 г. – М.: Изд-во РУДН, 2024. – С. 286–288 (0,1 п.л.).

6. **Krivenko, E. V.** Culturological Classification Of Charms (On Example Of French, English And Russian Languages / E. V. Krivenko // European Proceedings of Educational Sciences. – 2022. – Vol. 4: Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication (TILTM – 2022): 10 inter. research conf., Moscow, 22–23 Apr. 2022. – P. 134–141. – URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epes.22104.16> (дата обращения: 17.10.2022) (0,4 п.л.)

7. **Кривенко, Е. В.** Культурологическая классификация заговоров (на материале французского языка и культуры) / Е. В. Кривенко // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: сб. мат. 10 междунар. науч. конф., Москва, 22–23 апр. 2022 г. – М.: Изд-во РУДН, 2022. – С. 190–194 (0,1 п.л.)

8. **Krivenko, E. V.** Performativity in French, English and Russian voice and silent charms / E. V. Krivenko // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). – 2021. – Vol. 118: International conference on language and technology in the interdisciplinary paradigm (LATIP 2021), Novosibirsk–Irkutsk, 1–3 Apr. 2021. – P. 360–367. – URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10088/15658/article_10088_15658_pdf_100.pdf (дата обращения: 27.01.2022) (0,4 п.л.).

9. **Кривенко, Е. В.** Явление перформативности во французских заговорах / Е. В. Кривенко // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. мат. 9 междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 24–26 марта 2021 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. – С. 41–44 (0,35 п.л.).

10. **Кривенко, Е. В.** Из истории происхождения заговоров / Е. В. Кривенко // Семиотическое пространство языка. Синхрония и диахрония: мат. междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 14–15 февр. 2017 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – С. 397–408 (0,69 п.л.).

11. **Кривенко, Е. В.** Инвокации как условие перформативности заговоров (на материале французского, английского и русского языков) / Е. В. Кривенко // Пространство языка и языки пространств: филология и культура: монография. – Новосибирск: СГУГиТ, 2017. – С. 68–87 (1,2 п.л.).

12. **Кривенко, Е. В.** Аппеляции к богу в инвокациях заговорных формул / Е. В. Кривенко // Межкультурная коммуникация: лингвистические аспекты: сб. тр. 6 междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 22–23 апр. 2015 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. – С. 234–240 (0,5 п.л.).